

Вовлеченность вынужденных переселенцев в наркосреду и наркобизнес

Постановка проблемы и цель исследования. В условиях кардинальных социально-политических изменений, затянувшегося экономического кризиса, падения духовности и изменения ценностных ориентаций в обществе происходит рост всех традиционных форм девиантного поведения, в том числе злоупотребление наркотиками.

Наркотизация населения в последние годы приобретает характер катастрофы, стремительно проникая в самую «глубинку» нашей страны и захватывая широкие слои населения. Так, по данным правоохранительных органов и органов здравоохранения, в начале 2001 г. общее число граждан России, регулярно употребляющих наркотики, превышало 2,2 млн. человек. Оценочные цифры выше и составляют 3 млн. человек (Наркомания в России..., 2001, с.3).

В этих условиях становится чрезвычайно актуальным изучение факторов девиантного поведения и отношения к наркогенной среде различных этнических и социальных групп, в том числе беженцев и вынужденных переселенцев. Такие данные представляют практический интерес для разработки и осуществления государственной политики, как в области профилактики наркомании, так и в области управления миграционными процессами.

В обыденном сознании российских граждан широко распространено представление о том, что значительная часть вынужденных мигрантов является посредниками в распространении наркотических веществ по территории России. По мнению некоторых специалистов, к этому причастны беженцы, прибывшие в Россию из наркопроизводящих стран СНГ, к примеру, из Таджикистана (*Матосян А.*, 1999).

Представление о вынужденных переселенцах как импортерах наркотиков имеет два смысловых контекста. Первый заключается в том, что, якобы, среди переселенцев довольно высок процент лиц, имеющих опыт употребления наркотических веществ, и что, принимая переселенцев, российское государство приобретает

новые проблемы, связанные с увеличением как количества наркоманов, так и новых путей поступления наркотиков в Россию. Второй контекст состоит в том, что в результате трудностей нормального обустройства в России вынужденные мигранты люмпенизируются и становятся весьма доступными для втягивания их в наркобизнес и наркоторговлю.

Существующий в обыденном сознании стереотип мигрантов как криминогенной группы активно поддерживается регулярно появляющейся в прессе и по телевидению информацией о росте организованной преступности, наркоторговли, якобы связанной с миграционным притоком в Россию, об акциях, проводимых МВД против нелегальных мигрантов и т.п.

Однако до настоящего времени в РФ не проводились исследования, дающие достоверную информацию, на основе которой можно ответить на вопросы: Какова степень предрасположенности мигрантов к воздействию наркосреды? В какой степени бытующее в общественном сознании мнение о повышенной криминогенности и вовлеченности вынужденных переселенцев в наркосреду имеет под собой объективные основания, а в какой степени является результатом мифотворчества?

Поискам ответов на эти и другие вопросы была посвящена исследовательская работа автора, выполненная при финансовой поддержке *Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров*.

Теоретический контекст. К настоящему времени в науке нет однозначного феноменологически и экспериментально аргументированного ответа на вопрос о степени комплиментарности (соответствия) группового сознания вынужденных мигрантов интенсивно развивающейся наркогенной субкультуре. Ряд западных и российских ученых считают, что любого рода так называемое «маргинальное сознание», включая и сознание беженцев и вынужденных переселенцев, является благоприятной социальной почвой для распространения транснациональной наркогенной субкультуры. Сознание представителей различных групп вынужденных мигрантов, в силу «размытой» этнической идентичности, наличия травматического опыта и дезадаптации на новом месте, в целом определяется как менее устойчивое к влиянию патогенных факторов (*Лебедева Н.*, 1993; *Науменко Л.*, 1999; *Солдатова Г.*, *Шайгерова Л.*, 2002; *Тимофеева М.*, 1999; *Bochner S.*,

1982; *Furnham A., Bochner S., 1986; Kloskowska A., 1992*), а значит, оно более подвержено воздействию алкоголя, наркотических и других психоактивных препаратов.

В то же время, другие исследователи доказывают, что в современном мире все социальные группы, включая так называемое старожильческое население, могут рассматриваться как обладающие в той или иной степени признаками маргинальности, этнофункциональной рассогласованности (*Брюн Е., 1997; Сухарев А., 1998; Shechter R., 1992; Stonequist E., 1961*). Эти авторы считают, что кризис этнической идентичности возникает и среди коренного населения под влиянием технократической культуры, информационных перегрузок, вследствие разрушения традиций. Когда семья и общество перестают воспроизводить традиционные формы поведения среди своих членов, то молодежь особенно быстро приобщается к алкоголю и наркотикам. Данные негативные процессы, таким образом, как бы уравнивают возможности распространения наркогенной субкультуры как в среде переселенцев, так и в среде коренных жителей России.

Наконец, ряд ученых отвергает мнение о переселенцах как группе, повышающей криминализацию общества (*Алексеев А., Панарин С., 2000; Витковская Г., 1999; Панарин С., Тимофеев А., Ларин В., Пядухов Г., 2000*). Более того, данные широкомасштабных исследований, проведенных в различных регионах РФ, показывают, что в результате самомобилизации как ответной реакции на трудности переселения и адаптации большинство вынужденных мигрантов из постсоветских республик демонстрируют положительные качества. Среди них исследователи называют такие как высокий уровень образования и профессионализм, желание и умение работать, дисциплинированность и ответственность, стойкость моральных принципов и т.п. (*Витковская Г., 1999; Гриценко В., 1999, 2002; Степанов В., Сусоколов А., 1994; Филиппова Е., 1997*). Все это позволяет предположить, что вынужденные мигранты обладают определенным личностным и социальным потенциалом, чтобы адекватно решать возникающие перед ними проблемы и противостоять негативным влияниям.

Определение региона, объекта и методов исследования.

Исследование осуществлялось в Поволжском экономическом регионе, в частности в Саратовской области. Актуальность

исследуемой проблемы для Саратовской области связана с ее геополитическим положением. Область имеет более пятисот километров государственной границы с Казахстаном. По мнению многих экспертов, она же является центром пересечения путей контрабанды наркотиков из Среднеазиатского, Закавказского и Северокавказского регионов. Область выделяется среди регионов РФ высокой концентрацией вынужденных переселенцев и достаточно высокими показателями распространения наркомании.

В исследовании широко использовались материалы Юго-восточного регионального Управления Федеральной пограничной службы РФ, Государственного таможенного комитета, Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УБНОН) и Совета Безопасности Саратовской области. Был осуществлен также анализ данных Федеральной Миграционной Службы Саратовской области и данных наркологических диспансеров Саратова и Саратовской области. Кроме того, сбор информации осуществлялся посредством полустандартизованного интервью, вопросы которого были направлены на выявление степени предрасположенности вынужденных переселенцев к вовлечению в наркобизнес и наркоторговлю, их отношения к воздействию наркосреды.

В исследовании участвовали вынужденные переселенцы из стран СНГ (300 человек). С учетом того, что наркомания распространена в основном в молодежной среде, выборка мигрантов была дифференцирована по возрасту и разделена на 2 группы. Первую (основную) группу составили респонденты в возрасте 16-30 лет. Условно мы будем называть эту группу «молодое поколение» (150 человек). Во вторую группу, или в «старшее поколение», вошли переселенцы в возрасте 31-60 лет (150 человек).

В качестве контрольной группы были опрошены местные жители, уроженцы Саратовской области (250 человек). Выборка респондентов, вошедших в контрольную группу, также была разбита на 2 возрастные подгруппы и выровнена с экспериментальной группой наряду с возрастом и по другим социально-демографическим показателям: полу, образованию, социально-профессиональному статусу, типу поселения. Всего было обследовано 550 человек.

На основании полученных результатов был проведен сравнительный анализ предрасположенности молодого поколения

вынужденных переселенцев и коренных жителей к воздействию наркогенной субкультуры и наркосреды. Вместе с тем, по целому ряду вопросов были проанализированы ответы и более старших поколений двух исследуемых групп в целях выявления сходства и различий в отношении к наркогенной субкультуре представителей поколений «отцов» и «детей».

Полученные результаты эмпирического исследования обрабатывались с помощью методов описательной статистики. Достоверность различий между различными группами респондентов определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2). Данные исследования были также подвергнуты корреляционному анализу с помощью программы «Statistica» на РС.

Наркогенная и миграционная ситуация в Саратовской области. Анализ статистических данных и официальных информационно-аналитических документов, а также материалов периодической печати и других открытых источников позволил автору охарактеризовать сложившуюся наркогенную и миграционную ситуацию в Саратовской области следующим образом.

Количество распространителей наркотических веществ и их потребителей на территории области неуклонно росло в течение последних лет, вплоть до конца 2001 г.

Органы, в компетенцию которых входило противодействие распространению нелегальных наркотических веществ и контроль за их немедицинским потреблением, не были готовы к стремительному росту числа наркогруппировок и увеличению масштаба их деятельности. Как следствие, отсутствуют взвешенный анализ этнической составляющей наркобизнеса и объективная оценка участия в нем различных представителей миграционного потока. Так, например, по данным специалистов правоохранительных органов, наиболее активно вовлечены в наркобизнес представители таких этнических групп как таджики, узбеки, азербайджанцы, чеченцы. Однако их удельный вес в общем потоке зарегистрированных вынужденных переселенцев составляет не более 2%.

Таким образом, напрашивается следующий вывод: поскольку представители указанных этнических меньшинств не в состоянии организовать и поддерживать столь масштабную сеть

распространения наркомании на территории области, они играют роль «козлов отпущения». Следовательно, за пределами общественного внимания остаются другие, не указываемые в официальных сводках, группы, которые, скорее всего, организованы не только и не столько по этническому признаку.

Кроме того, сравнивая данные о динамике миграционных процессов и данные о динамике распространения наркомании в Саратовской области, можно прийти еще к одному выводу: рост наркомании и наркопреступности значительно обгоняет темпы увеличения числа вынужденных мигрантов в область. Это не дает оснований утверждать, что переселенцы выступают основными импортерами наркосреды.

В то же время активная вовлеченность этнических группировок в наркобизнес на сегодняшний день стала «притчей во языцех», что накладывает негативный отпечаток на общее представление о переселенцах в общественном сознании коренного населения. Среднестатистический житель Поволжья, к сожалению, не привык дифференцировать мигрантов и поэтому над его стереотипами довлеет «эффект генерализации», т.е. на основе поведения двух-трех представителей делается заключение обо всей социальной (этнической) группе. Это порождает проблему негативного, интолерантного отношения со стороны коренных жителей ко всем переселенцам, особенно из Средней Азии, Казахстана и Кавказского региона.

Уровень наркотизации вынужденных переселенцев. Для установления реального уровня наркотизации вынужденных переселенцев наряду с другими показателями мною использовались в качестве объективного показателя архивные данные наркологических диспансеров — одного в Саратове (Ельшанский наркодиспансер) и трех (из 4-х имеющихся) на территории Саратовской области (городах Балаково, Балашов и Энгельс).

Были исследованы медицинские карты наркозависимых больных, находящихся под амбулаторным контролем (наблюдением). Подавляющее большинство этих карт заведено в течение последних 10 лет (1992–2002 гг.), т.е. в период последней волны наркомании в России, с одной стороны, и массовой миграции переселенцев на ее территорию — с другой.

Так как в медицинских картах не предусмотрено внесение специальных сведений о гражданстве лиц, состоящих на учете, наличии у них статуса вынужденного переселенца или беженца, то выделение интересующих нас характеристик проводилось на основе сведений, обычно имеющихся в данных картах: дата и место рождения, год переезда в РФ и период употребления наркотиков или дата постановки на амбулаторный учет. По данным показателям мы устанавливали:

а) является ли данное лицо коренным жителем или его условно можно отнести к группе «вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья»;

б) мог ли данный «переселенец» являться, с большой долей вероятности, на момент переезда в РФ импортером наркогенной субкультуры, или он начал употреблять наркотики уже после переезда в Россию.

Мы исходили из того, что если период между датой переезда в РФ и датой постановки на наркологический учет составляет **не менее 7 лет**, то можно утверждать с большой долей вероятности, что данные лица, состоящие на учете, начали употреблять наркотики после переезда в Россию. На наш взгляд, срок 7 лет — достаточный период для проявления наркотической зависимости, если она имела место на прежнем месте жительства. Другими словами, те, кто приезжают в Россию с устойчивой привычкой к употреблению наркотических веществ, как правило, попадают на учет в течение первых 3-5 лет.

Анализ медицинских карт, содержащихся в архивах наркологических диспансеров городов Саратов, Балаково, Балашов, Энгельс, показал, что доля тех, кого с большой долей уверенности можно отнести к группе «вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья», составляет от 1,1% в Балаково до 4,9% в Энгельсе от общего числа состоящих на учете в указанных диспансерах (табл. 1). Сюда вошли все те, кто родился за пределами Российской Федерации — в бывших союзных республиках Средней Азии, Казахстана и Закавказья.

Таблица 1

**Число лиц, состоящих на амбулаторном учете
в наркологических диспансерах Саратовской области**

	Саратов		Балаково		Энгельс		Балашов	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Число лиц, состоящих на амбулаторном учете, всего	2188	100	1700	100	735	100	290	100
Из них: мигранты из стран СНГ	69	3,2	19	1,12	36	4,9	10	3,5
в том числе: мигранты – импортеры наркокультуры	41	1,9	15	1,2	19	2,6	5	1,9

На основании сравнительного анализа вышеприведенных данных мы смогли установить соотношение количества наркозависимых среди вынужденных переселенцев и коренного населения, которое представлено в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2

**Соотношение количества наркозависимых
среди вынужденных переселенцев и коренного населения
трех районов Саратовской области ***

Районы	Численность постоянного населения (без переселенцев)		Наркозависимые из числа постоянного населения		Численность вынужд. переселенцев		Наркозависимые из числа вынужд. переселенцев	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Балаковский	225255	100	1685	0,75	3966	100	15	0,38
Балашовский	129425	100	285	0,22	1829	100	5	0,27
Энгельский	262015	100	716	0,27	4764	100	19	0,39
Всего	616695	100	2686	0,44	10559	100	39	0,37

* Численность коренного населения и вынужденных переселенцев приведена по данным на 01.01.1998 г.

Если сопоставить количество переселенцев, состоящих на учете в наркодиспансерах, с общей численностью переселенцев, которые зарегистрированы Миграционной службой, то мы видим, что процент наркозависимых среди переселенцев не выше, а часто даже ниже, чем среди постоянного населения. Предваряя возможный вопрос о том, насколько часто переселенцы ставятся на амбулаторный учет в наркодиспансерах, хотелось бы отметить следующее: согласно практике, сложившейся в последние 10 лет, почти 100% «подопечных» наркологов попадают на их учет по представлению правоохранительных органов, вне зависимости от сроков проживания и наличия регистрации. Таким образом, шансы на заведение медицинской карты для наркозависимых коренных жителей и переселенцев автоматически уравниваются.

Вместе с тем, если учесть, что общая численность тех, кто переехал из стран ближнего зарубежья, согласно данным паспортно-визовой службы Саратовской области, в 4 раза больше официально зарегистрированных вынужденных переселенцев, то реальный процент переселенцев, состоящих на учете в наркодиспансерах, вполне вероятно, будет еще ниже соответствующего показателя по коренному населению.

Таким образом, на основе анализа архивных данных наркологических диспансеров можно сказать, что доля переселенцев, состоящих на учете в них, значительно ниже доли наркозависимых из числа коренных жителей. Иными словами, объективные данные подтверждают наше предположение о том, что уровень наркотизации вынужденных переселенцев не выше соответствующих показателей местного населения.

Сравнительная характеристика степени вовлеченности в наркобизнес вынужденных переселенцев и коренных жителей. Поскольку в последнее время в печати и на TV нередко проходит информация о широкой причастности различных групп мигрантов к организации наркобизнеса на территории РФ, одной из задач данного исследования было выяснение того, каковы установки и отношение вынужденных переселенцев к занятиям наркоторговлей и наркобизнесом. При подготовке программы мы внесли в анкету вопросы, косвенно выявляющие степень предрасположенности вынужденных переселенцев к вовлечению в наркобизнес и

наркоторговлю. В совокупности эти вопросы составили отдельный диагностический блок.

Во-первых, мы старались выяснить отношение переселенцев к применению манипулятивных приемов общения в узкокорыстных целях, спрашивая *«Что Вы чувствуете, когда Вам приходится пользоваться глупостью, наивностью других в ущерб их здоровью или материальному положению в собственных целях?»*. Каждый десятый респондент из числа молодого поколения (как из числа переселенцев, так и среди коренного населения) ответил, что он испытывает чувство превосходства, гордость за себя или «ничего не чувствует» в тех ситуациях, когда ему приходится обманывать других в собственных целях (9,3% молодых переселенцев и 11,3% коренных жителей затруднились выразить свои чувства).

Примерно равное количество респондентов из числа вынужденных переселенцев (19,3% — молодое поколение, 14% — старшее поколение) и коренного населения (20,7% — молодое поколение, 14% — старшее поколение) признали, что они испытывают неловкость и угрызения совести, когда им приходится обманывать других и использовать их доверие в собственных целях. Остальные респонденты в каждой из исследуемых групп заявили, что либо им давно не приходилось использовать глупость и наивность других в своих целях, либо они никогда не поступают подобным образом.

Анализ полученных ответов показывает, что в каждой из двух исследуемых групп имеется примерно равное количество респондентов (около 20%), которые, на наш взгляд, не имеют четких внутренних принципов или ограничений, препятствующих вовлечению в наркобизнес.

Установлены позитивные корреляционные связи между испытываемыми респондентами чувствами превосходства и гордости в тех ситуациях, когда приходится обманывать других в собственных целях, и возникновением у респондентов соблазна «попробовать» при восприятии рекламы о новых марках вин, пива, других алкогольных напитков ($k=0,20$, $p<0,05$), увеличением их лояльности к людям, занимающихся наркоторговлей ($k=0,21$, $p<0,05$), негативностью отношения к антинаркотической пропаганде ($k=0,18$, $p<0,05$), распространенностью среди них мнения о том, что в тех случаях, когда необходимо расслабиться, реальной

альтернативы наркотикам нет ($k= 0,24$, $p<0,05$) и, наконец, увеличением степени их подверженности воздействию наркогенной субкультуры ($k=0,19$, $p<0,05$). Иными словами, снижение нравственного уровня личности может увеличивать ее подверженность влиянию наркосреды и тем самым способствовать «втягиванию» ее в наркоторговлю и наркобизнес.

Выявлена также позитивная корреляция между чувствами превосходства и гордости за себя при применении манипулятивных приемов в узкокорыстных целях и предпочтениями качеств, которыми должен обладать современный молодой мужчина. Названы «деловая хватка» и «разбирается в марках вин, пива и других алкогольных напитков» ($k= 0,24$, $p<0,05$). Интересно, что большое количество респондентов в указанных группах в числе необходимых характеристик, которыми должен обладать современный молодой мужчина, называют «деловую хватку» в сочетании с умением правильно говорить и выражать свои мысли, уважением к женщинам и старикам и сохранением «меры в застолье» (58,7% молодых переселенцев и 67% коренных жителей такого же возраста) ($\chi^2=10,86$ при $p<0,05$).

Таким образом, в обеих исследуемых группах оказалось достаточно большое число молодых людей, положительно оценивающих такие качества как предприимчивость и деловитость и в то же время отвергающих манипуляцию и наживу за счет наивности других как средство достижения собственного благополучия.

Одним из немногих вопросов, напрямую выясняющих отношение респондентов к занятию наркоторговлей, был следующий: *«Если молодой человек вынужден кормить свою семью, продавая наркотики, его родственники и близкие должны...»*. Варианты ответов даны в таблице 3.

Как видно из данных таблицы 3, ни один человек не завершил вышеуказанное предложение фразой *«сказать ему за это спасибо»*, хотя оно по своему содержанию отчасти провоцировало респондентов на оправдание данного вида деятельности. В то же время нашлась значительная часть респондентов, занявших достаточно лояльную позицию по отношению к наркоторговцам, что выразилось в таких формулировках, как *«не осуждать»*, *«предупредить о возможных последствиях»* (19,3% молодых

переселенцев и 22,6% их сверстников среди коренных жителей). Интересно, что перевес сторонников лояльной позиции в группе коренных жителей, пусть незначительный, наблюдается и среди «поколения отцов».

Таблица 3

Позиция родственников по отношению к наркоторговцам, %

Позиция	Переселенцы		Коренные жители	
	молодое поколение	старшее поколение	молодое поколение	старшее поколение
Сказать ему за это спасибо	0	0	0	0
Не осуждать его	3,3	2,0	7,3	1,0
Предупредить его о возможных последствиях	16,0	10,0	15,3	16,0
Попытаться отговорить его	30,0	20,7	28,7	29,0
Отказаться в категорической форме от такого «хлеба»	50,7	67,3	48,7	54,0
Итого	100	100	100	100

Респонденты–переселенцы, по сравнению с респондентами – коренными жителями, оказались как менее лояльными, так и более непримиримыми по отношению к наркоторговле. Они заметно чаще полагали, что следует *«отказаться в категоричной форме от такого «хлеба»*.

Следует особо отметить, что во всех группах респондентов выявлена позитивная корреляционная связь между отсутствием морально-нравственных ограничений у респондентов и их готовностью оправдать занятия наркоторговлей ($p < 0,05$).

В исследовании мы посчитали необходимым выяснить также, какую меру наказания торговцам наркотическими веществами респонденты считают наиболее адекватной данному виду преступления. При этом мы исходили из того, что весь спектр предлагаемых мер можно сгруппировать по 4 основным позициям: *оправдательная, объективная, жесткая и предельно жесткая позиция*. Как оказалось, большинство респондентов, как из числа

переселенцев, так и коренных жителей, выбрали жесткую и предельно жесткую позиции. Так, за применение таких мер наказания, как «смертная казнь», «пожизненное заключение», «отрубить руку» и т.п. высказалось 54% молодого поколения и 65,4% поколения «отцов» в группе переселенцев и соответственно 54,7% и 60% в группе коренных жителей. Второй по степени предпочтения «карой» оказалась мера, предполагающая учет объема продаж наркотического вещества и реальную роль обвиняемого в организации наркобизнеса. Данной позиции придерживаются 25,7% переселенцев и 28% коренного населения.

Оправдательную позицию, предполагающую учет социально-экономических трудностей нашего времени, подталкивающих граждан к торговле наркотиками, заняли 17,3% молодых респондентов и 12,0% представителей зрелого поколения в обеих группах. Как видим, за смягчение наказания для наркоторговцев высказалось равное количество респондентов исследуемых групп.

Еще один вопрос проективной направленности позволил установить, какую оценку социальным или личностным факторам и условиям, способствующим занятию наркоторговлей, «автоматически» дают респонденты.

Респондентам предлагалось завершить первой пришедшей в голову фразой предложение *«Для того чтобы продавать наркотики, нужно иметь не только расчетливый ум, но и ...»*. Опираясь на опыт и концептуальные разработки авторов проективной методики, мы исходили из того, что в любой завершающей фразе скрыто или открыто присутствует какая-либо личностная, эмоционально-окрашенная оценка наркоторговли и тех, кто ею занимается.

Интерпретация полученных ответов позволила распределить их по шести позициям:

- 1) позитивная оценка;
- 2) скрыто-позитивная оценка;
- 3) отсутствие ответа;
- 4) нейтральное завершение предложения;
- 5) сдержанная негативная оценка;
- 6) явно отрицательная оценка (табл. 4).

**Распределение оценок респондентов по отношению
к наркоторговцам, %**

Оценки	Переселенцы		Коренные жители	
	молодое поколение	старшее поколение	молодое поколение	старшее поколение
Позитивная оценка	5,3	2,7	6,7	8,0
Скрыто-позитивная оценка	10,6	7,3	13,3	5,0
Отсутствие завершения	8,6	6,7	4,7	1,0
Нейтральная оценка	36,7	28,0	34,0	41,0
Сдержанная негативная оценка	26,6	34,0	27,3	28,0
Явно отрицательная оценка	12,0	21,3	14,0	17,0
Итого	100	100	100	100

Анализ содержания полученных ответов позволил установить, что у 15,9% молодых переселенцев и у 20,0% коренных жителей проявилась позитивная, либо скрыто-позитивная оценка наркоторговцев. Такие респонденты достаточно часто приписывали наркоторговцам позитивные характеристики: «умный расчет», «смелость», «осторожность», «дипломатичность» и т.п.

Нейтральную позицию заняло наибольшее количество респондентов (36,7% молодых переселенцев и 34,0% коренных жителей их возраста). Среди них достаточно часто встречались ответы: «...большие связи», «...связи в прокуратуре», «...связи в вышестоящих кругах», «...крышу в милиции», «...большие деньги» и т.п. Необходимо отметить, что данные ответы являются скорее «условно нейтральными», поскольку не исключено, что для части респондентов они могут иметь позитивный подтекст.

Тем не менее, значительная часть молодого поколения (и среди переселенцев, и среди коренных жителей) выразила отрицательное или явно отрицательное (38,6% среди переселенцев и 41,3% среди коренных жителей) отношение к наркоторговцам и наркобизнесу. При этом большинство переселенцев, так же как и коренных жителей Саратовской области, занимают достаточно

непримиримую позицию по отношению к наркобизнесу и его представителям. Соответственно, можно утверждать, что *степень предрасположенности вынужденных переселенцев к вовлечению в наркобизнес и наркоторговлю не превышает аналогичных показателей для коренных жителей.*

Интересным и показательным оказалось выявленное в ходе исследования сходство между переселенцами и коренными жителями не только в отношении оценок наркобизнеса и наркоторговцев, но и их стереотипов в отношении тех социальных (этнических) групп, через которые идет поступление наркотических веществ. Так, наряду с цыганами, а также представителями криминальных кругов, большинство респондентов включило в эти группы переселенцев из Средней Азии и Казахстана. Такого рода включение наблюдалось в 55% ответов коренных жителей и в 43% ответов переселенцев.

Однако, как было показано выше, криминалистическая статистика МВД и данные наркодиспансеров Саратовской области не подтверждают того, что переселенцы из Центральной Азии являются основными поставщиками наркотических веществ на территорию РФ. Так, например, по данным Балашовского ОБНОН (Отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков) Саратовской области, подавляющее большинство граждан, задержанных в течение 1996-2001 гг. за организацию «наркоточек» и сбыт наркотических веществ на территории района, являлись коренными жителями области.

Существование столь распространенного и устойчивого в обеих группах стереотипа связано с целым рядом вполне объяснимых причин.

Во-первых, из-за того, что регионом производства большинства наркотических веществ, поступающих на территорию России, являются страны Центральной Азии, сформировался стереотип «ожидания наркоугрозы» от каждого, кто приезжает из данного региона.

Во-вторых, часто фигурирующая в прессе и на телевидении информация о наркокурьерах из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии накладывает отпечаток на сознание жителей России, заставляя воспринимать всех переселенцев из данных стран, включая русскоязычную их часть, соответствующим образом.

В-третьих, и это не менее важная причина, у представителей коренного населения РФ нет объективной информации о том, кто такие переселенцы, что привело их к вынужденному изменению места жительства, каких социальных ценностей и установок они придерживаются.

В-четвертых, под влиянием средств массовой информации и сложившихся стереотипов общественного сознания сами переселенцы начинают верить в то, что мигранты из среднеазиатских стран являются основными распространителями наркотических веществ, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Выводы. Итак, на основе проведенного на территории Саратовской области исследования и анализа полученных результатов можно прийти к следующим *обобщающим размышлениям.*

Распространение наркомании и наркопреступности за последние 4 года (по данным официальной статистики) значительно опережает темпы вынужденной миграции. В то же время необходимо осознать, что, несмотря на спад числа прибывающих вынужденных переселенцев, проблемы их социально-психологической адаптации от этого не становятся менее острыми. Особенно это становится очевидным при рассмотрении ситуации, в которой оказываются молодые переселенцы. Большой частью это молодые люди — носители русскоязычной культуры, которые чувствуют себя недостаточно востребованными на исторической родине. Они не обладают достаточными ресурсами для интеграции в современный российский социум. Типичными препятствиями для успешной адаптации являются низкий доход семьи, отсутствие постоянного и/или вполне пригодного для достойного существования жилья, отсутствие необходимого уровня образования, широких социальных связей и личных контактов, обеспечивающих хотя бы ограниченный выбор места обучения и работы. Сравнивая свои стартовые социальные возможности с возможностями сверстников из числа коренного населения, отдельные представители молодого поколения переселенцев могут включиться в криминальный бизнес, становиться посредниками в распространении наркотических веществ на территории России. Однако степень их вовлеченности в наркобизнес несопоставима с

тем, в значительной мере утрированным, образом «плохих людей», который сформировался в общественном сознании за последние 10 лет.

Данные наркологических диспансеров Саратовской области свидетельствуют о том, что доля переселенцев, состоящих на учете в них, ниже доли наркозависимых из числа коренных жителей. Т.е. объективные данные не подтверждают распространенное мнение о том, что вынужденные переселенцы из Центрально-азиатского и Кавказского регионов являются более предрасположенными к наркотизации и не дают оснований рассматривать их как основных импортеров наркокультуры.

Результаты исследования показали также, что между переселенцами и коренными жителями обнаружено больше сходства, чем различий в их отношении к наркогенной среде и наркокультуре. Так, представители обеих групп, включая молодое и старшее поколение, одинаково негативно относятся к распространению наркомании в российском обществе, с равной степенью гражданской ответственности и зрелости оценивают факторы и последствия этой социальной болезни. Большинство переселенцев, так же как и коренных жителей, занимают достаточно непримиримую позицию по отношению к наркобизнесу в принципе и к его представителям в частности. Степень вовлеченности вынужденных переселенцев в наркобизнес и наркоторговлю не превышает аналогичных показателей для коренных жителей, что говорит о ложности мифа о потенциальной предрасположенности вынужденных переселенцев к наркогенной субкультуре и наркосреде.

Более значимые различия в отношении к наркосреде обнаружены в нашем исследовании между поколениями «детей» и «отцов», нежели между представителями переселенческого и коренного населения: старшее поколение оказалось более устойчивым к воздействию наркокультуры и наркосреды. Это можно объяснить тем, что за годы, прошедшие после распада СССР, на всем постсоветском пространстве, тем не менее, сохранилось сходство уклада жизни и ценностных ориентаций, особенно у старших поколений.

Приобщение к наркосреде и наркокультуре некоторой части переселенческой молодежи происходит на основе тех же самых

социально-экономических причин и социально-психологических механизмов, что и у коренного населения: дезадаптации, потери морально-нравственных ориентиров, отсутствия информированности о механизмах формирования наркозависимости и опыта противостояния агрессивно-манипулятивной наркокультуре и наркосреде.

Уровень социальной адаптированности человека обусловлен не только и не столько социально-экономическими факторами (наличие жилья, работы), но и психологическими, личностными характеристиками, а значит, проведение прямой корреляции между социальным статусом индивида и его отношением к психоактивным веществам далеко не всегда является оправданным и обоснованным. Вынужденные переселенцы в основной массе представляют группу людей, находящихся в стадии высокой личностной мобилизации, что связано с их стремлением к обретению (или возвращению) привычного социального статуса на новом месте. А поэтому установки и ценности большинства из них несовместимы с наркогенной субкультурой, основу которой составляют гедонистические установки на пассивное получение удовольствия в жизни, расслабление и уход от решения проблем. Следовательно, вынужденные переселенцы представляют социальную группу, большинство членов которой не только не связаны с наркосредой и наркобизнесом, но и выступают как один из важнейших социально-экономических ресурсов развития России на пути построения открытого, гражданского, мультикультурального общества.

Источники:

Алексеев А., Панарин С. Адаптация и безопасность: опыт вынужденных переселенцев и принимающего общества в Тверской области //Миграция и безопасность в России /Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М., 2000. С.227–266.

Брюн Е.А. Этно-культурные основы смыслообразования и психоактивные вещества //Этническая психология и общество. /Отв. ред. Н.М. Лебедева. М., 1997. С.401-416.

Витковская Г. Вынужденная миграция и мигрантофобия. //Нетерпимость в России: старые и новые фобии /Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. / Моск. Центр Карнеги, М., 1999. С.151-191.

Вторая конференция по международному антинаркотическому сотрудничеству. Саратов, 5-7 сентября 2001 г.

- Гриценко В.В.* Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. /Институт этнологии и антропологии РАН, М., 1999.
- Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. /Институт психологии РАН, М., 2002.
- Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. /Институт этнологии и антропологии РАН, М., 1993.
- Матосян А.А.* Вставай страна. /Международная ассоциация по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, М., 1999.
- Наркомания в России: угроза нации. /Аналитический доклад. Подготовлен рабочей группой под руководством А.В. Федорова. М., 2001.
- Науменко Л.И.* Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в постсоветский период //Журнал прикладной психологии. 1999. №1. С.14-26.
- Панарин С., Тимофеев А., Ларин В., Пядухов Г.* Криминологическая безопасность в регионе и внешняя миграция: опыт Москвы и Пензенской области //Миграция и безопасность в России /Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М., 2000. С. 267–328.
- Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А.* Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 4. С. 66–81.
- Степанов В.В., Сукоколов А.А.* Русские ближнего зарубежья. Проблемы адаптации в российской деревне // Российский этнограф. М., 1993. №9. С. 3–172.
- Сухарев А.В.* Этнофункциональная психология: исследования, психотерапия. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, М., 1998.
- Тимофеева М.* Некоторые этнопсихологические аспекты психотерапии //Журнал прикладной психологии. 1999. №1. С.14–26.
- Филиппова Е.И.* Вынужденные мигранты в Псковской области: проблемы адаптации //Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / Отв. ред. С.С. Савоскул. М., 1997. С.312–345.
- Фрейдджер Р., Фейдимен Д.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. Психологическая энциклопедия СПб: прайс-ЕВРОЗНАК, 2001.
- Bochner S.* The Social Psychology of Cross-Cultural Relations // Cultures in Contact. N.Y.: Pergamon Press, 1982.
- Furnham A., Bochner S.* Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L.& N.Y., 1986.
- Kloskowska A.* Kultura i Spoteczenstwo. Rok XXXVI. Nr.4. 1992. P. 3-32.
- Stonequist E.V.* The Marginal Man. N.Y., 1961.